

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Касаткина Константина Александровича на тему: «“ОПЫТ СЛОВОИСТОЛКОВАТЕЛЯ ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРИИ...” И. П.

ЛИПРАНДИ И ОБРАЗ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В РОССИЙСКОМ НARRATIVЕ
ПЕРВОЙ – ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.», представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по научной специальности

5.6.2. Всеобщая история

Диссертация К.А. Касаткина находится в русле исследований, изучающих «ментальные карты», «дискурсивные формации» и «использование другого» применительно к разделениям Восток – Запад и Россия – Европа. В центре внимания автора находятся меняющиеся модели репрезентации Османской империи и народов, населявших ее европейскую часть, а основным материалом для анализа послужили труды И.П. Липранди, среди которых выделяется фундаментальностью замысла «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...». Хотя репрезентации Другого и, в частности, меняющиеся акценты в представлениях русской публики XIX века о балканских народах обрели в последнее время целый ряд значимых исследований, в изучении этой темы все еще сохраняются существенные лакуны. К таковым относится и мало известный в своем содержании энциклопедический словарь («словоистолкователь») Липранди, полный корпус которого не дошел до нас. Однако диссертант вдумчиво изучил, что составляет одну из его весомых заслуг, все сохранившиеся в архивах варианты, сопоставил их с другими текстами Липранди и предложил реконструкцию эволюции его грандиозного замысла.

Во введении диссертации обоснованы актуальность исследования, определены его объект и предмет, сформулированы цель и задачи, дан обзор использованных источников и содержательный анализ исследовательской литературы. В качестве методологической основы исследования во введении обосновывается выбор в пользу *cultural studies*, где сделан акцент на формы символического освоения мира, и дискурсивного анализа в его структуралистском ключе. Впрочем, Касаткин допускает, что дискурсивные структуры могут принимать в себя элементы инородных дискурсов, что придает им историческую изменчивость (с. 8). К методологическим рассуждениям автора диссертации примыкают его замечания об историографической дискуссии вокруг феноменов «ориентализма» и «балканализма», к которым он возвращается и в тексте глав работы (в частности, в первом параграфе первой из них). Научную новизну полученных результатов Касаткин усматривает, кроме прочего в выявлении четырех способов «... описания европейских

областей Османской империи, которые функционировали в двух различных дискурсах». Они сформировались, по преимуществу, за пределами академической среды, но «.... определяли не только восприятие балканских народов, но во многом и внешнюю политику Российской империи» (с. 17). Согласно четвертому положению, выносимому на защиту, «дискурс Славянства», заменивший собой ориенталистский «дискурс Османской империи» обусловил «...формирование идеологемы “русского” или “имперского” панславизма, которую и взяло на вооружение российское правительство после Крымской войны. Это привело к тому, что дискурс Славянства занял доминирующее положение и установил гегемонию в российском информационном поле в первую очередь благодаря идеологической интервенции со стороны государства, в которой принимал участие и И. П. Липранди» (с. 19). Это широкое обобщение, вытекающее из методологического подхода автора диссертации, заслуживает отдельного обсуждения, и мы еще вернемся к нему.

В первой главе, если исключить ее первый параграф, который является своеобразным продолжением историографической и методологической части введения, представлена биография Липранди с акцентом на выделение периодов его деятельности как эксперта по Османской империи (второй параграф), а также очень добротный археографический и источниковедческий анализ материалов, относящихся к «Опыту словоистолкователя...», отложившихся в Российском государственном историческом архиве (третий параграф). В результате, как уже было сказано, Касаткин представил обоснованную версию эволюционной классификации разных редакций словаря, которая в виде схемы обрисована и в приложении к диссертации.

Во второй главе диссертации Касаткин перешел к анализу описательных стратегий Липранди, особенностей дававшихся им классификаций и характеристик, а также к выявлению причин, которыми они определялись. Затем предложено авторское понимание механизмов эволюции его взглядов в поздних сочинениях о народах и землях Европейской Турции.

В пояснении к ранней описательной стратегии Липранди (времени написания словаря) Касаткин исходит из того, что «этнический, культурный, языковой и религиозный факторы не играли значимой роли, а политическая принадлежность земель являлась главным критерием, который определял их как самостоятельный объект описания», поэтому «минимальной единицей изучения для Липранди являлось государство, а не народ.» (с. 69–70). Именно это предопределило, по его мнению, исключение Греции, ставшей независимой в качестве «курьеза» по воле великих держав, и австрийских частей Балканского полуострова. В категоричности формулировок,

избранных, возможно, для того чтобы сделать исследовательскую позицию предельно выпуклой, обостряется логическое противоречие. Если атрибутивные признаки народов вовсе не играли значимой роли в сочинениях Липранди, то как ему удалось ухватить вариативность и разнообразие Европейской Турции, что замечено диссертантом. Так чуть ниже он оговаривается, «Липранди расчленил историю, культуру, географию, статистику Османской империи, её народы на дискретные самодостаточные единицы» (с. 73). Тогда получается, что народы все же превращались у Липранди в «минимальные единицы» описания. Подобных противоречий между обобщенными тезисами и более частными наблюдениями довольно много в тексте диссертации. Остановимся ниже чуть подробнее лишь на наиболее принципиальных из них.

В том же параграфе второй главы воззрения Липранди на Восток сопоставляются с просветительской мыслью (прежде всего, Монтескье). Хотя его влияние признается крайне значимым, Касаткин полагает, что «... для И. П. Липранди главным критерием истины являлся не разум, а личный опыт» (с. 76). Из дальнейшего можно заключить, что опыт состоял в недостатках европеизации России и сравнимости ее развития с уровнем Османской империи, отчего Липранди и не мог отнести последнюю к стигматизированному просветителями Востоку. Правда, соответствующих подобным размышлению цитат Касаткин не приводит, заменяя их другими высказываниями Липранди — по сути, саморекламой знатока-очевидца, владеющего истиной, в отличие от «кабинетных» ученых. Другое дело, что Липранди ожидал европеизации Турции и появления турецкого Петра Великого. Поэтому «...“восточный” характер османского государства объяснялся отсутствием просвещения, а не наоборот» (с. 78). Иными словами, Липранди разделял веру в линейный, хотя и не одновременный прогресс, что вполне укладывается в просвещенческую парадигму, для которой географически-климатический детерминизм Монтескье был побочным продуктом сенсуализма предшествующей эпохи. Стоит также вспомнить, что помимо ориентализма с негативными коннотациями в современной Липранди европейской мысли существовал позитивный ориентализм, и в этом отношении он был вовсе не одинок, когда хвалил Турцию и укорял Европу.

Во втором параграфе той же главы подробно рассмотрены образы сербов и болгар в работах 1820–30-х гг. Касаткин подчеркивает, что «...в этническом плане болгары и сербы, согласно Липранди, к славянам не принадлежали: он считал их славянанизированными азиатскими народами» (с. 86). Наверное, здесь было бы справедливым заменить понятие этничности происхождением, тем более что она не исчерпывается этногенезом. Далее говорится: «В цивилизационно-культурном же плане русские в глазах Липранди стояли неизменно выше всех прочих славян, что и

обуславливало их выделение среди родственных народов». Следовательно, какое-то их «родство» (по вере и языку) все же таки признавалось. Что же касается критерия просвещенности как основного в шкале суждений Липранди, то это наблюдение Касаткина вполне обоснованно. Именно поэтому «мотив славянской взаимности, братства «крови и веры» в работах Липранди 1820–1830-х гг. ещё не звучал» (с. 97). И если «Болгария не существовала в качестве культурно-политического субъекта, как не существовало и самобытного болгарского народа» (с. 92), то получившая автономию Сербия уже рассматривалась как авангардное пространство просвещения, хотя верный легитимизму «...Липранди даже не помышлял о Сербии как о потенциальном суверенном государстве» (с. 97). Надеждами на освобождение от варварства объясняется фаворитизация образованных австрийских сербов, перебравшихся за Саву и Дунай. Но «Сербия, таким образом, являлась для Липранди не центром освобождения и возрождения южных славян, а альтернативой турецкому модернизационному проекту» (с. 98).

Напротив, в поздних сочинениях 1850–70-х гг., рассмотренных в третьем параграфе второй главы, критерии оценок Липранди претерпевают трансформацию с политической конъюнктурой, которая приводит его высказывания под власть «дискурса Славянства». Теперь сохранение территориальной целостность Османской империи сошло с повестки дня, поэтому «...нерелевантным оказалось и описание сербов и болгар как “восточных” народов, подданство которых уже не имело большого значения» (с. 99). Опять же это утверждение кажется уж слишком заостренным. Так называемый «восточный вопрос» (с дебатами о разделе турецкого наследства) возник гораздо раньше Крымской войны, а подданство Османской империи для сербов и болгар оставалось важным и после нее. Иначе как объяснить события Великого восточного кризиса 1875–1878 гг.? Вероятно, «славянизация» дискурса, в том числе у Липранди, происходила под влиянием гораздо большего объема обстоятельств.

Констатируя общее смещение взглядов Липранди в направлении панславизма, Касаткин отмечает: «Его отношение к этому вопросу [о перспективах единого общеславянского государства] отличалось определённой двойственностью» (с. 109). «В статье “Восточный вопрос и Болгария” Липранди так и не нашёл ответа на вопрос об устройстве Европейской Турции после падения Османской империи» (с. 112). Обращает на себя внимание архаичность исторических аналогий, которые использовал в ней Липранди (их подробно пересказал Касаткин). Вероятно, они лучше всего демонстрируют скучность ресурсов в политических прогнозах Липранди.

Важной трансформации в его поздних сочинениях подверглось восприятие болгар и сербов. Если с первыми связывались новые позитивные ожидания, то «... Сербия стала

примером неудачной модернизации, государства, поверхностно усвоившего европейские достижения, но при этом не сумевшего изжить свои “восточные” черты» (с. 116). Под знаком антизападничества «в поздних работах Липранди развел понятия “просвещённый” и “европейский” и так пришёл к убеждению, что славянские народы развиваются отличным от Европы путём» (с. 115). Можно добавить, что до него такое различие провели уже ранние славянофилы, а в 1860-е оно стало одним из общих тезисов ряда течений консервативной мысли. Но показательна и ориенталистская регрессия в суждениях Липранди: «Оriентальные черты сербов, которые прежде объяснялись долговременным турецким влиянием, в 1850-е гг. рассматривались уже как их “природные свойства”, т. е. неотъемлемые качества» (с. 116). Это позволило в новом дискурсивном контексте изображать сербов «...в некоторой степени даже предателями Славянства» (с. 119). Удивительно то, что эти тезисы формулировались как раз в то время, когда Сербия под руководством князя Михаила Обреновича не без поддержки России создавала Балканский союз для общей борьбы с Османской империей. Таким образом, умозаключения отставника Липранди фиксируют и степень его удаленности от актуальной внешнеполитической повестки того времени.

В третьей главе диссертации «балканские» сочинения Липранди и эволюция в его взглядах на этот предмет рассматриваются в контексте иных российских нарративов о европейских землях Османской империи. Глава начинается с рассмотрения русских энциклопедий первой половины XIX века как текстов модельных по своей древовидной организации и для «словоистолкователя» Липранди. Автор диссертации убедительно показывает, что Балканский полуостров являлся в них отсутствующим или «разорванным» понятием, «... а отдельные его области описывались в рамках разных дискурсов» (с. 128). Это соответствует общеевропейской ситуации, поскольку обособленные «Балканы», как это показано у М. Тодоровой, стали фигурировать как политico-географическая и социокультурная реальность в основном после 1878 г., когда по решению великих держав были признаны несколько независимых балканских государств. Далее Касаткин рассматривает несколько вариантов описания этого еще «рассеянного» объекта: окраина Европы, часть Востока и половинчатые по восприятию Греция и Сербия. Все эти варианты обнаруживаются и в ранних сочинениях Липранди.

Второй параграф третьей главы посвящен русским травелогам первой трети XIX века. Касаткин классифицировал их по трем группам: результаты случайных поездок, систематические исследования, проведенные русскими офицерами 2-й армии (к ним принадлежат и ранние труды Липранди), первые добровольные путешествия. Предположу, что Касаткин напрасно объединяет в этой последней категории

вдохновленные Шлецером поездки геттингенских студентов А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова с путешествием В.М. Броневского, который находился по долгу службы в составе Второй Архипелагской экспедиции под командованием Д.Н. Сенявина и в общем-то, скорее, «случайно» оказался в Которе и Черногории. Касаткин широко цитирует «Описание Черной горы», включенное Броневским в его «Записки морского офицера» (1818–1819), однако не упоминает, что оно составлено находящимся на русской дипломатической службе выходцем из Далмации С.И. Мразовичем и отражает, скорее, представления раннего этапа «славянского возрождения», а не суждения русского офицера. Сопоставление с остальным текстом «Записок» Броневского показало бы его значительную дистанцию по отношению к местному «братолюбию».

Вместе с тем, в основном справедливо заключение Касаткина по отношению ко всем троим: «Путешественники воспринимали Славянство не как совокупность родственных народов, живущих здесь и сейчас, а как единство, существующее одновременно в разных временах. Европеизированная Россия представляла настоящее, в то время как южнославянские народы олицетворяли общеславянское прошлое, т. е. их «отсталость» объяснялась нахождением на периферии славянского мира. Таким образом, Россия из маргинального европейского государства превращалась в центр славянского мира, который мог говорить с Западом на равных» (с. 160). Впрочем, в отличие от Броневского и своего товарища А.И. Тургенева, А.С. Кайсаров оказался глубже погружен в движение «славянского возрождения» в его романтическом изводе, и через стихию языка иерархичность времен, обрисованная выше, в его историческом воображении уже нарушалась.

Представление о России начала XIX века как о «маргинальном» европейском государстве кажется чрезмерным. Если оно и культивировалось в наполеоновской пропаганде, то вовсе не принималось в расчет участниками антифранцузских коалиций и Священного союза. Известно однако, что именно Наполеоновские войны стимулировали неудовлетворенность уровнем развития России и стремление к переменам в дворянском обществе (особенно в среде молодых офицеров).

Последний третий параграф третьей главы назван «Рождение имперского панславизма». Здесь Касаткин пытается ответить на вопросы: «Что заставило Липранди в 60 лет пересмотреть свои прежние убеждения? [И] ... почему именно болгары заняли центральное место в его построениях?» (с. 166). Ответ на первый вопрос сводится к переменам, вызванным Крымской войной, повлекшей за собой дипломатическую изоляцию России и унизительный Парижский трактат. Впрочем, вряд ли все искусство послекрымской дипломатии России можно свести к мобилизации славянства.

Хотя правительство Николая I крайне подозрительно относилось к славянским движениям, способным нарушить принцип легитимизма, Касаткин относит формирование основ имперского панславизма к концу 1820-х гг. (с. 168). Как станет ясно из дальнейшего, речь идет о творчестве Ю.И. Венелина. К сожалению, автор диссертации не разъясняет возможность применения этого термина к его работам, особенно в части прилагательного «имперский». Если речь идет об «официальности», то возникает противоречие с выше обрисованной позицией Николая. Если же имеется в виду иерархичность во взглядах на «славянство» с выделением исторической Руси/России в качестве его главной части, то определение лишается актуального политического измерения. Не учтены иные варианты трактовки творчества Венелина и его последователей как проводников «русского языческого мифа» (А.И. Рейтблат) или консервативного романтизма (М.Ю. Досталь). Следует еще иметь в виду, что стремление «славянанизировать» Античность и раннее европейское Средневековье не было свойственно одному лишь Венелену. До него этим занимались авторы барочного историописания, и их трудами, очевидно, Венелин вдохновлялся. А затем эту традицию подхватили ранние деятели «славянского возрождения», например, сербский литератор и книгоиздатель П. Соларич. Впрочем, Касаткин признает, что «в “Древних и нынешних болгарах” [Венелина] присутствуют толькоrudиментарные идеи имперского панславизма» (с. 179).

Далее в диссертации прослеживается преемственная связь между визионерством Венелина и А.Ф. Вельтмана, развивавшим его славяно-болгарскую тему. Основываясь на некоторых новых архивных материалах, Касаткин показывает, что «... Липранди и Вельтмана можно охарактеризовать как своеобразный tandem» (с. 190). Поэтому «влияние “венелинской” школы в поздних сочинениях Липранди ощущимо не только в описании истории российско-болгарских отношений, но и в методах исследования» (с. 195). Таким образом трансформация взглядов Липранди с середины 1850-х гг. объясняется как новой внешнеполитической обстановкой, так и усвоением идей «венелинской» школы.

В кратком заключении (с. 198–200) подведены итоги диссертационного исследования.

Высказанные замечания носят, по большей части, дискуссионный характер, и само их возникновение можно считать важным достоинством диссертации. Иногда автор проявляет излишнее доверие упрощенным схемам и монокаузальным объяснениям, но это, как сказано выше, вероятно, продиктовано стремлением заострить внимание на новых результатах. Все же противопоставление «Свой–Другой», применяемое так часто в описании меняющихся идентификационных моделей, следовало бы усложнить за счет категорий «свой-другой» и «чужой-другой», а палитру интеллектуальных исканий двух

третей XIX века обогатить с выходом за пределы двух дискурсивных порядков. Наверное, это станет продолжением начатой в диссертации работы.

Диссертация Касаткина Константина Александровича на тему: «“Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...” И.П. Липrandи и образ Османской империи в Российском нарративе первой – третьей четверти XIX в.» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Касаткин Константин Александрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по научной специальности 5.6.2. Всеобщая история. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не обнаружены.

Член диссертационного совета.

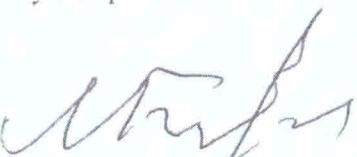
доктор исторических наук, доцент,

заведующий кафедрой новой и новейшей истории

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского»

Белов Михаил Валерьевич

12.09.2022 г.

